

Ольга КРУТИКОВА

выпускница БГПУ 2003 года,
член Союза писателей России

От редакции. Ольга Крутикова, печатавшаяся в «Амуре» с первого номера, вначале заявила себя как талантливый прозаик, а в последние годы выросла в потрясающего лирика. Недавно Ольгу приняли в Союз писателей России, что является официальным признанием того, о чём мы давно знаем, — её творческой зрелости и состоятельности.

Выбор нового для неё жанра — поэмы — свидетельство того, что наш автор находится в постоянном поиске: новых, по преимуществу основанных на синтезе художественных форм, новых тем, героев, образов. Поэма «Гарри» — это органичное соединение эпического начала и лирической интонации, авторской серьёзности и ироничности, реалистических деталей и постмодернистской игры и пародийности; это включение в виртуальный диалог о природе поэтического творчества авторов-классиков прошлых эпох и современных амурских редакторов. Хочется верить: высказанное в произведении авторское пророчество, что поэма в будущем может «превратиться в роман», сбудется.

ГАРРИ

Поэма

1

Огромными дозами с раннего детства
Был Гарри привит небывалым поэтством.
Поэтство досталось ему в наследство,
Несметным богатством хранилось у сердца.
Просилось на волю, но Гарри был строг.
Уж если писать, то как Пушкин, как бог,
Ну или как друг Пастернак — чтоб красиво.
Тягаться с великими — хватит ли силы?
Казалось, что так сочинить он не мог,
Поэтому выставил дар за порог.
«Ах, так, — рассердилось поэтство, — за это
Тебя окружат пусть другие поэты!
Ты будешь под рифмами, словно под пледом,
А я... я к другому навеки уеду».
Сбылось предсказанье лихого поэтства:
Поэты селились с ним по соседству,
Писали ему, изводили бумагу,
Ступить не давали и лишнего шагу.
Поэтом был плотник, работник по саду,
Учитель детей, продавец лимонада,
Когда бы наш Гарри не двинулся в путь,
Поэты ему не давали уснуть.
И каждый старался оттачивать слог,
И в том числе автор вот этих вот строк.

А птицы кричали заманчиво: «Гарри,
Смотри-ка какая весна в разгаре!
Лови перо и пиши всем об этом,
Давай к нам в стаю большим поэтом».
И вот однажды, конечно, ночью
Дало поэтство эффект побочный.
Не то в кошмаре, не то в угаре
Поэта призрак вдруг видит Гарри.
Глаза у поэта раскосо-кари.
«Узнали? — он улыбается Гарри. —
Ко мне приезжали вы как-то в гости.
Был солнечный день у меня на погосте,
Оранжевоглазой казалась планета,
А я в вас почувствовал душу поэта.
И вот — расстояние мне не помеха,
Тут с неба на лифте можно доехать —
Хотел расспросить поподробнее, Гарри,
О вашем лучистом таинственном даре».
И Гарри, на гостя взволнованно глядя,
Вдруг вспомнил, что где-то хранятся тетради
С написанным им небывалым поэтством,
Любовь для которого значилась средством.
На этом рассказ прекратим до обеда.
Оставим друзей за волшебной беседой.
Свечу им зажжём и чернила подложим,
А сами пойдём, попоэтствуем тоже.

У Гарри есть ручка в чёрном футляре,
 Её подарили однажды Гарри
 Как память о том, что он был у власти,
 И бог страховал его от напасти
 Писать на полях документов толковых
 Красивым простым поэтическим словом.
 Но было ему что оставить бумаге:
 Любовные драмы, семейные саги.
 «Послушай, – шептал ему на ухо кто-то, –
 Давай, как Сервантес про Дона Кихота,
 Как Гарсия Маркес про сто своих лет».
 Но Гарри ему отвечал: «Нет, нет, нет,
 Покуда дела, посевные работы,
 Ремонты, дороги – писать неохота.
 Есть в жизни гораздо важнее заботы.
 Ну что ты пристал, мой навязчивый кто-то?»
 И вот эта ручка дарёным конём
 При Гарри находится ночью и днём
 И пишет втихую о Гарри сама,
 Как будто от Гарри она без ума.
 Какие у Гарри глаза – как топазы,
 Что дамы всем скопом влюбляются сразу.
 Каков он политик, каков чародей!
 Как много он сделал для бедных людей!
 Стихи за стихами, баллада за басней.
 Но вдруг поняла: ей сие неподвластно.
 Чернила кончаются, думала слёзно,
 О Гарри тетрадку писать несерьёзно.
 Жизнь Гарри достойна десятка томов
 В крутом пересказе от лучших умов.
 В депрессию впала уставшая ручка,
 Она у нас та ещё вредная штучка.
 Решила: «Не скоро сюжета развязка,
 Пойду отдохну я на Острове Пасхи.
 Давно не нуждается Гарри в пиаре,
 Пусть пишет он сам о себе мемуарри».
 Продолжим наш сказ, как придёт вдохновенье.
 Читатель, прощай, я пошла за печеньем.

Друзья, эта третья песня о Гарри
 Написана будто в каком-то кумаре.
 Мы встретились утром в пустующем баре,
 Куда он приехал на белом «Феррари».
 Прошу, не ищите ему прототипа.
 Мой Гарри – фантастика, выдумка, липа.
 Конечно, герой будет очень непрост,
 Иначе зачем мне писать этот пост?
 Сейчас я придумаю яркий сюжет,
 Которого не было в жизни и нет.
 Так вот, в баре кто-то скрипел на гитаре,
 Со стенки глядела девица на шаре,
 Скорбел над подделкой дух Пабло Пикассо,
 Мы пили гавайский коктейль с ананасом.

На мне было платье зелёного цвета,
 На нём цвета хаки футболка надета.
 О, если б вы знали, какой он красивый!
 Глаза словно тёмное масло оливы.
 Я выше писала, что будто топаз,
 Но это для рифмы, чтоб вставить в рассказ.
 Когда я его повстречала впервые,
 Проснулись в груди моей птицы степные.
 Такие огромные хищные птицы,
 Которым всё хочется крови напиться.
 Ой, что-то метафора слишком жутка,
 Пойдите, я стиль поменяю слегка.
 Нежнейшего слога нежнейшую нить
 Я в повесть о Гарри стараюсь вводить.
 Герой мой – до кончиков пальцев эстет.
 «Скажи мне, – спросил он, – ты точно поэт?»
 Тебя я не просто позвал на свиданье.
 Хочу, чтобы ты сочинила преданье
 О нашем Амуре, о нашей тайге.
 И, самое главное, сказ обо мне.
 Поэтство моё своенравно сбежало,
 А чёрная ручка – не ручка, а жало.
 Не писарь, а просто мегера, змея.
 О, как горевал в одиночестве я!..
 И вот вдруг читаю в одной из газет,
 Что ты будто мастерский нынче поэт.
 Напишешь – подумаем о гонораре.
 Ну что, по рукам?» – улыбнулся мне Гарри.
 Настала пора мне, друзья, оробеть.
 И я растерялась. Сумею ли спеть?
 И соколы будто притихли внутри...
 На этом закончим мы песнь номер три.
 Пишите, коль хочется вам продолженья.
 Включу в себе видео воображенья
 И все изложу с небывалым упорством.
 Пока же закрою портал стихотворства.
 Представим, что Гарри уехал на море.
 А что было дальше – узнаете вскоре.

Висят над Амуром, как простыни, хмари,
 И солнце на них возлежит в пеньюаре...
 Продолжим писать о таинственном Гарри,
 Приехавшем с моря при полном загаре.
 О, хватит ли рифм мне с таким окончаньем?
 О, хватит ли мне моей тихой печали
 Подняться над бурной широкой рекой,
 Как будто я коршун иль коптер какой?
 Увидеть, как светятся звёздные лица
 Над гнёздами серой болотной синицы,
 Услышать, как дятел в норе гнездовой
 Строчит пулемётной по лесу волной.
 Туда, где шелками расстелены мари,
 Отправимся в поисках нашего Гарри,
 Который влюблён в побережья Амура
 Любовью мечтателя и трубадура.

Покоя его не нарушив дневного,
Опустимся с часом ночного покрова
Над сенью палатки, где мирно он спит.
А как же? Я нынче придворный пиит.
Но Гарри будить мы не станем, конечно,
Пусть сон его мхом простирается нежным,
И очень пушистым, и мягким притом
Крадёт прирученным диким котом
По краю таёжной зелёной опушки...
Нет, точно во мне поселился брат Пушкин...
Жаль, Пушкин реальный не видел Амура,
Приходится делать литературу
Ему подражая, чтоб, значит, как гений.
(О, как растопить в себе облако лени?)
Давай, мой читатель, присядем у края
Реки, что тоску неземную стирает
В песчаную пыль и бросает на ветер,
Смотри, чтоб медведь тебя здесь не приметил.
Романтика, словно пирог, хороша.
Но кто его знает: а вечна ль душа?
Ну что, мой придуманный призрачный Гарри?
Играю как скрипка тебе Страдивари.
Доволен ли ты? Дай мне знак, истолкую.
Пришли мне во сне что ли нимфу лесную,
Саранку, венерин пришли башмачок
И песню, что вечером стонет сверчок.
До встречи, читатель, и Гарри, и Пушкин.
Пора мне коснуться щекою подушки.

5

Привет, мой читатель, прекрасный, как свет,
Пора развивать нам про Гарри сюжет.
Придумать ему окруженье, героев,
А может быть, дело какое крутое?
А может... вот тут на распутье стою я,
Любовь ли придумать ему неземную,
Иль сделаться этой любовью самой?
И совести голос мне шепчет: «Постой,
Ты – автор. Как можешь влюбляться в героя?
Любовь объективность решительно смоеет.
Мы в общем-то поняли, план твой коварен:
Ты хочешь в Тарусу отправиться с Гарри,
Куда-нибудь к тёплым морям Коктебеля,
Цветаевский след на планете лелея.
И думать тебе не позволю так я!»
Какая жестокая совесть моя!..
О, если б ты ведал, читатель мой милый,
Какие нужны мне для этого силы
Создать Галатею ли, вылепить бабу
Из снега, из камня... Царевну из жабы...
Из пустоши вырастить свежий цветок,
Чтоб Гарри сорвать для души его смог.
Поехали! Вновь побережье Амура.
Слоняется ветер, как Байрон понурый.
Сверкает очами сердитый карась:
«Собрались у речки. Что, жизнь удалась?»

В компании светлых весёлых людей
Наш Гарри ест суп из больших карасей.
И ночи кострами, конечно же, выются
(Аллюзия, да, чтобы вам улыбнуться).
У Гарри от влажности волосы выются,
И хочется губ его тёплых коснуться,
И вот уже тень приготовили вербы...
Но совесть моя тут как тут, словно цербер.
И я начинаю как раб на галерах
Писать образ девушки с именем Лера.
Вот тихо подходит она – дуновенье,
Вот к Гарри садится она на колени.
О, Пушкин, пришёл твой черёд, помоги,
Есть повод увидеть просторы тайги,
В турне по страстям ты отличнейший гид.
Что чувствуют парни в объятьях сильфид?
Таёжная музыка льётся гобоем,
В лесную обитель влечёт за собою
Валерия, фея – воздушный зефир,
Пред Гарри встаёт удивительный мир.
Не чувствуя влажной земли под ногами,
Изюбрь летит, поражая рогами
Берёзовый пепел, осинный дым,
И тополь встаёт на дороге худым
Подростком, сбежавшим играть во дворе,
И мох, будто гольф, у него на коре.
И прямо за деревом кролик в камзоле
Спросил: «Вы случайно не видели Олю?
Нам с Олей бы выпить горячего чаю».
(И снова аллюзия, чтоб не скучали).
Не выдай меня, мой приятель из сказки,
Я – автор поэмы. Зачем мне огласка?
Читатель, ты с нами? Ещё не устал?
Смотри, у совы есть волшебный кристалл,
Она его в клюве несёт над тайгой,
Чтоб все браконьеры сюда ни ногой!

6

...И вот начинаются дебри еловы,
А волосы Леры – длинные и медовы –
Следы заматают на тонкой тропинке,
И Гарри такое скольженье – в новинку,
Не видел он глаз леденцового цвета,
Не пробовал губ чуть сочнее ранета,
И стан не держал между рук своих крепких,
Как будто искусной дизайнерской лепки.
Старалась красивый писать я портрет.
Известно, что Гарри – большой сердцеед,
Пресыщен девицами, бог искушений.
И мне не хотелось ему повторений.
Любовники стоят друг друга теперь.
Она – как охотник. Он – раненый зверь.
Позволю сейчас насладиться им всласть
Любовью, которая словно напасть:
Ребята, меж вами безумная страсть!
(Нет, авторство – это как власть...)

Вот Гарри касается рук её белых,
Сжимает в объятьях точёное тело,
Снимает с неё золотой сарафан,
А там вместо стана... струится туман.
Развеялся призрак, рассыпались грёзы.
«Да что это? – вскрикнул герой наш. – Серьёзно?
Колдунья? Я сказок таких не фанат.
Какая банальщина... и плагиат!»

Ну, вот и закончилась светлая повесть.
Что, съела, моя безупречная совесть,
Такую концовку – гнилую хурму?
Теперь не достанется он никому!
И совесть с башкою медузы Горгоны
Вдруг встала, как важный полковник в погонах,
Метнула в меня свой пылающий взор
(Опять архаизмы, какой же позор!),
Качнулась, как стул одноногий без спинки,
Сказала (а с губ её сыпались льдинки):
«Вот глупая авторка, это ж тайга!
Там волки, медведи и баба Яга!
Лети, чёрный плащ на ходу надевая,
Иначе спасёт его фея чужая».
Ну нет, отвечаю, я очень устала,
Три ночи без сна вам поэму писала.
Пойду полежу на земле у плетня.
Отстань уже, совесть, не мучай меня!

7

Тем временем Гарри, конечно, в ударе.
Как будто кочевник в далёкой Сахаре,
Один на один со стихией, со мглой,
И явно не знает дороги домой.
Хоть волком здесь вой, хоть шакалом пролай,
А связи не даст МТС и Билайн.
И думает Гарри о жизни своей,
Как много в ней было волнительных дней,
Как много он сделал, как нужен был всем.
А звёзды висят над его бытием
Пучками поникших цветных хризантем.
Пора бы полить их, но только зачем?
Пусть будет у Бога на небе гербарий.
Тоска распустилась на сердце у Гарри.
Хотелось поэзии с раннего детства.
Да только с характером было поэтство.
Прибилось поэтство к поэту другому,
И чёрная ручка сбежала из дому,
И эта, которая пишет поэму,
Устроила Гарри из мухи проблему.
Доверился ей, а теперь вот не рад.
Зачем он набрал себе бездарей в штат?!
Просил же её про комету, про лунность,
Весеннего леса туманную юность,
Про ливень, что Блоком на землю упал,
Хоть Блок – он ведь тоже в тайге не бывал.

А жаль, удивился б, какое здесь небо –
Рукою подать до приятеля Феба,
В нём серость, и дымность, и вся бирюза –
Ну чисто товарища Блока глаза!
Просил, а она ему страшные чащи,
Кусты бересклета и дождь моросющийся.
Уволю, решил, как вернусь из неволи,
Свою поэтессу по имени Оля.

8

А Оля, ну то есть, конечно же, я,
Совсем потеряла поэмы края.
Читатель, мы тоже с тобою в лесу,
Но Гарри любимого позже спасу.
Мы выйдем сейчас на поляну лесную,
Где кролик в камзоле над чаем колдует
И льёт ароматный напиток по кружкам.
С ним Шляпник.
Ой, то есть, улыбчивый Пушкин.
Такая мечта – мне увидеться с ним.
Поэзия Пушкина – вечный мейнстрим.
Боюсь, онемею от встречи, как мим,
Свиданье с великими – это экстрим.
Вот дуб у опушки, там дальше – лощина.
И вот же он, Пушкин, а рядом – Марина.
Они – незабвенны, они – постоянны.
А их голоса во мне льются органом.
Марина и Пушкин встречались в Крыму.
А я вот в тайге их сейчас обниму.
Какие красивые добрые лица!
«Ах, Оля, ты все же писать мастерица, –
Кивнул мне поэт всех времён и народов, –
В амурской тайге не бывали мы сроду.
(Мне следует быть поскромнее в речах,
Что Пушкин мне скажет, наверно, сейчас).
Как силою слова ты нас воскресила!
С небес мы с тоскою глядим на Россию...
Печально глядим, но с надеждой втройне:
Россия недолго пробудет в войне.
Возвысится, встанет. Наступит тот час,
Когда с восхищеньем посмотрит на нас
Весь мир, что сегодня мы чистим от скверны,
Марина, ведь правда?»
Цветаева: «Верно!»
Был вечер душист, остролист, можжевелов,
Мы долго сидели за скатертью белой,
Как облако в небе плыл клин аистинный,
Я мёдом пила разговоры с Мариной.
«Марина, – я ей говорила, – о Гарри
Пишу, в колдовском искупавшись отваре.
Пишу под диктовку неведомых сил,
Хоть сам он об этом меня попросил.
Мой Гарри мне – горы, Синай и Парнас.
И я – как бесстрашный по ним скалолаз...
Сорваться могу... Расскажи, как сестре,
Как ты ворожила Поэму Горе».

Любовь неземная – Маринин лайфхак.
Ты, Гарри, когда-нибудь чувствовал так?

9

Итак, мастер-класс получив от поэтов,
Пора нам, читатель, садиться в карету
И мчаться на встречу, как крёстная фея,
На всех парусах, словно парусник Грея,
Спасать заплутавшего Гарри в лесу,
Что ест он? Морошку? Что пьёт он? Росу?
Ах, что же я вижу: на старом пеньке
Сидит наш герой, держит ручку в руке.
А рядом старик-лесовик с бородой
Склонился над ним головою седой.
Бумагу ему достаёт из котомки:
«Тебе помогу я, – вещает он громко. –
Дорогу я знаю, протоптан мной путь,
Да только не вздумай меня обмануть.
Включу GPS, подключу Интернет,
А ты мне за это напишешь сонет.
Даю тебе сутки на это, приятель».
Тут Гарри воскликнул: «Но я не писатель!
Постойте, я вам заплачу очень много.
И только за то, чтоб увидеть дорогу –
Хотите, крутой подарю кадиллак,
Построю в лесу вам большой особняк,
Мне нужно скорее на волю, на свет».
Старик ухмыльнулся: «Конечно же, нет.
В тайге, где в века проросли деревья,
Не евро в ходу, не рубли, а слова.
Богат ли ты, парень, аль ты лоботряс –
Здесь только покажет словарный запас.
Тут Гарри, не выдержав едких подколок,
Так крикнул, что шишки попадали с ёлок:
«Ты что, лесовик, ты в своём ли уме?
Как можешь отказывать в помощи мне?»
Рассыпался белок внизу хоровод.
Настал старику разозлиться черёд.
«Послушай, какой я тебе лесовик?
Ты, видно, отравленный съел боровик,
Почто не признал, голова твоя дурья?
Я здесь издаю альманах “Приамурье”.
В амурских лесах знаю каждую кочку,
Следов на снегу разберу чья цепочка,
Как пахнет в лугах иван-чай и малина,
И трепет в груди берегу журавлиный.
Но, может, ты, Гарри, отчасти и прав.
Я Лецик, а имя моё – Владислав.
Хороших писателей, знаешь, как мало?
А если ты видел Амур небывалый,
То ты априори напишешь, как бог,
Давай-ка твори, – и ушёл себе, строг.
И шаг его медленный длился и длился.
И, кажется, нимб над затылком искрился.
Я знаю, во всех, кто «на ты» со стихами,
Есть тихая святость и связность с богами.

10

Порхает меж сосен, как бабочка, время.
Здесь пишут, читатель, поэму в поэме,
Здесь пишет наш Гарри свой лучший сонет,
А я ему первый готовлю обед:
Лесные орехи и чай из тимьяна,
Лесной земляники сажаю поляны.
Эх, если б достать здесь соцветия хмеля,
Сварила б ему приворотное зелье!..
Как светел его очарованный лик
Над строчкой, что сойкой летит в черновик,
И куртки изящен его воротник,
И сердцем его дирижирует Григ.
С поэтством вдруг стал на короткой ноге
Наш Гарри в безлюдной пустынной тайге.
– Пустынной? А я? – возмутилась лиса.
Мелькнула созвездием Гончего Пса
Волков ненасытная серая стая,
Их зубы сверкали мечами джедаев.
Луна, разгораясь по небу, как ладан,
Глядела на мир глуповато, как Байден.
И ночь чернотой пробралась, как Барак
В поэму. Вот янки! Без них тут никак.
О, если мы янки запустим в тайгу,
Здесь тигры из них приготовят рагу.
Политику, правда, не трогать просили,
Но сердце, простите, болит за Россию.
С тобой отвлеклись мы, читатель радушный.
Готовы сонеты у Гарри. Послушай!..
Хотя, как вписать сюда строчки воздушны?
Об авторском праве закон мы нарушим.
Так что же, исполнен искусный наш план.
Сейчас я пришлю за ним «аэроплан».
Пора выпускать моих птиц из груди.
Ты, коршун, ты, сокол, ты, беркут, лети...
Повыше его поднимите над миром.
Пусть он окрылённым взлетит пассажиром.
Прямым нас ТВ обеспечит эфиром,
Хочу, чтоб герой мой стал мира кумиром.
И Гарри летел над Амуром сапфирным,
Над городом нашим, своею квартирой
И думал: не то чтобы Олю уволить –
К коню привязать и пустить в чисто поле...
Глядел пограничник китайский и русский,
Как птицы летели со странной нагрузкой.
На крыльях несли сквозь кадило тумана,
Как лебеди-гуси мальчишку Ивана.
Спасение Гарри везде показали.
И даже на главном российском канале.
А новость летела по синей планете,
Смотрели друзья, и коллеги, и дети,
Медбрат, полицейский, вахтёр, кочегар.
И охнул наш Гарри: вот это пиар!
Представить такого не мог никогда,
И даже когда он был мега-звезда.

Теперь вдохновенно глядят на Амур
Поэты, художники разных культур,
И едут писать про полёты на птицах
Все блогеры мира из каждой столицы.
Туризм процветает в амурском краю.
Поэма готова. Дежурство сдаю
Герою по имени Гарри – в стихах
Писать об амурских волшебных лесах.

ЭПИЛОГ

Однажды, наверное, лет через десять,
Когда моя нежность тоску перевесит,
Как крикнет, летя над Амуром, фазан,
Поэма моя превратится в роман.
Имею в виду я бумажную книжку,
А вовсе не с Гарри большую интрижку.
К тому же, вы помните, Гарри – мираж,
Поэмы печальной моей персонаж.
Мой брат по перу, осенённый звездой,
И мной бесконечно любимый герой.
С тобой же, читатель, прощаться нам рано.
Ждёт текст Александр Василич Урманов.
Бессменный редактор журнала «Амур»
Не терпит в поэзии всяких халтур.
Я вижу: поэму читает он строго.
Урманов – мой ангел от Господа Бога.
Читает, читает, и током искрится,
И пишет мне: «Оля, ну так не годится.
О чём эта светлая повесть, скажи,
К чему здесь метафор цветных виражи?
Какая идея и где сверхзадача?
Смешно. А сюжета зигзаг неудачен.
Ты, Оля, совсем сочинять не старалась.
Поэма – поэзии милая шалость».
И нечем мне крыть, мой читатель чудесный,
Поэма – не эпос, а чистая песня,
Которую чукчи поют тёмной ночью,
И ночь заполярья над ними хохочет.
Писала её, как Малевич Квадрат,
Чтоб выйти из сонма тоски и утрат,
Порадовать Гарри, приблизиться к свету,
Которым Господь освещает планеты
В холодном и сказочном мраке Вселенной,
Чтоб сделать свой космос навеки нетленным.
Неважен итог, просто было тепло.
Я здесь говорила, как Оля с Яло.
Стихи не всегда есть цветущие розы,
Порой это средство сраженья с неврозом.
А впрочем, не буду писать оправданье,
Пойду лучше к Гарри схожу на свиданье.
«Какой поворот! – Гарри видит меня
В своём садочку у старого пня. –
Какими судьбами? И, главное, как
В мгновение ока, вспорхнув, как сайгак,

Вы здесь оказались?» – он строго спросил.
А мне отвечать ему не было сил.
Проклятый талант сочинять небылицы
Меня доведёт до враждебной столицы.
Ну раз уж я здесь, будет краток мой слог.
По плану в поэме звучит монолог.
Да, да, я умею, как Ларина, тоже
Морозом пройтись по онегинской коже:
«Поэме конца не предвидится, Гарри,
Как будто пишу для театра сценарий,
Как будто веду бесконечный дневник,
В котором лучится твой сказочный лик.
Совсем я не верю, что, может быть, Гарри,
Другая душа при твоём аватаре.
Всё слишком едино: портрет и натура:
Тем тоньше характер, чем тоньше фигура.
Поэтому часто красивы лишь те,
Чья сущность уже рождена в красоте.
Злодеи прекрасны лишь только в романах,
А в жизни харизмы у них полстакана.
Не может людей очаровывать чванство,
Не может влюблять в себя подлость и хамство.
Там сразу на лицах читается: гад.
Всё, всё выдаёт наш наружный фасад.
Так вот, при твоём аватаре изящном
Понятно: внутри Пастернак настоящий.
И он больше всех меня дразнит и манит.
Жаль, где-то стихи затерялись в тумане...
Но просится вывод бесспорный: ты, Гарри,
На этой планете в одном экземпляре».
Тут Гарри, конечно, смеётся в ответ.
Опять нарушается весь мой сюжет.
Здесь должен заплакать читатель, растаять,
Но катится смех по земле Первомаем.
Поэмы писать мне, наверное, рано.
Смеюсь я сама, и смеётся Урманов.
Уверена: Пушкин хохочет, как Зевс,
И молнии смеха он мечет с небес.
Державин кричит из шатров небосвода:
«Ребята, у вас не поэма, а ода!
Приветствую оды, когда в них не лесть,
А много весёлой иронии есть».
На этом, читатель, простимся с тобой мы.
Ты видишь, лечу из привычной обоймы
Писать, задевая все струны души,
Но гневаться ты на меня не спеши.
Уже эпилог наш готов, а сейчас
Приехал ко мне Карабас-Барабас,
И ключ золотой он привёз неспроста –
Закреть на замок моей песне уста.
Пусть тихо и снежно наступит теперь,
Пусть топнет копытцем серебряным зверь –
Рассыплет стихов самоцветы на снег,
Да будет над миром Серебряный век!

25 июня – 5 июля 2022 г.